

Столяров Алексей Михайлович

**РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ "ВОЙНЫ ЗА ПОЛЬСКОЕ НАСЛЕДСТВО" 1733-1735 ГОДОВ В
СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ УЧЕБНИКАХ ПО ИСТОРИИ**

В статье анализируется образ "Войны за польское наследство" 1733-1735 годов, представленный в текстах современных российских учебников по истории. Основное внимание уделено характеристике выдвинутых авторами учебников причин участия России в данной войне и намерений российского руководства. Проведён сравнительный анализ между репрезентациями "Войны за польское наследство" в учебниках и оценками этого конфликта, существующими в современной российской академической науке. Сделан вывод о несоответствии представления "Войны за польское наследство" в учебниках достижениям российской историографии и необходимости их согласования.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2016/6-2/43.html

Источник

**Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и
искусствоведение. Вопросы теории и практики**

Тамбов: Грамота, 2016. № 6(68): в 2-х ч. Ч. 2. С. 174-177. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2016/6-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

субъектами вооруженного конфликта выступают «игроки», а не сама война. И логика военной игры не определяется целью, согласно которой проигрывают все; она определяется другими целями, в рамках которых один выигрывает, а другой проигрывает или же оба выигрывают (последнее встречается очень редко). Ядерный конфликт с применением стратегических ядерных вооружений разрушает такую логику, поскольку в нем уничтожается само поле конкуренции вместе с любым политическим пространством. В этом смысле природа ядерного конфликта созвучна деятельности международных террористических организаций, для которых политическое проектирование всегда отступает на второй план перед лицом чисто военных интересов, а собственный выигрыш становится менее важным, чем выигрыш противника.

Список литературы

1. Клаузевиц К. О войне (1-4). М.: РИМИС, 2009. 400 с.
2. Кревельд М. ван. Трансформация войны. М.: Альпина Бизнес Букс, 2005. 344 с.
3. Лиддел Г. Б. Стратегия непрямых действий. М.: Эксмо; СПб.: Мидгард, 2008. 464 с.
4. Люттвак Э. Н. Стратегия: логика войны и мира. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2012. 392 с.
5. Самохин К. В. Многоликая война // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2009. № 2 (3). С. 81-83.
6. Степанов И. В. Введение в философию войны. Самара: Инсома-Пресс, 2014. 206 с.
7. Степанов И. В. На пути к созданию философии войны. Самара: Изд-во СНЦ РАН, 2011. 190 с.
8. Тоффлер Э. Война и антивоенная: что такое война и как с ней бороться. Как выжить на рассвете XXI века. М.: АСТ; Транзиткнига, 2005. 412+4 с.
9. Требин М. П. Войны XXI века. М.: АСТ; Мн.: Харвест, 2005. 608 с.
10. Хофмайстер Х. Воля к войне, или Бессилие политики. Философско-политический трактат. СПб.: ИЦ «Гуманитарная академия», 2006. 288 с.
11. Шеллинг Т. Стратегия конфликта. М.: ИРИСЭН, 2007. 366 с.
12. Шмитт К. Теория партизана. М.: Праксис, 2007. 301 с.

NUCLEAR WAR AND ARMED CONFLICT: PROBLEMS OF DIFFERENTIATION

Stepanov Ivan Viktorovich, Ph. D. in History
Samara State Technical University
stivan1981@mail.ru

The article deals with the problem of the correlation of nuclear war with the criteria of a common armed conflict. Analyzing the conceptions of the prominent “war philosophers” of the XIX-XX centuries Carl van Clausewitz, Basil Liddell Hart and Martin van Creveld, the author substantiates the statement that a nuclear conflict with the application of strategic weapons can't be considered as war, since it lacks the most important feature of the latter – the system of rules, which allow revealing a victor in the framework of political space.

Key words and phrases: nuclear war; armed conflict; war philosophy; political space; state.

УДК 94(47)“1733/35”

Исторические науки и археология

В статье анализируется образ «Войны за польское наследство» 1733-1735 годов, представленный в текстах современных российских учебников по истории. Основное внимание уделено характеристике выдвинутых авторами учебников причин участия России в данной войне и намерений российского руководства. Проведён сравнительный анализ между репрезентациями «Войны за польское наследство» в учебниках и оценками этого конфликта, существующими в современной российской академической науке. Сделан вывод о несоответствии представления «Войны за польское наследство» в учебниках достижениям российской историографии и необходимости их согласования.

Ключевые слова и фразы: «война за польское наследство»; учебники по истории России; Анна Иоанновна; Станислав Лещинский; Эрнст Бирон; Курляндское герцогство; Франция.

Столяров Алексей Михайлович, к.и.н.
Казанский (Приволжский) федеральный университет
Yagello1386@mail.ru

**РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ «ВОЙНЫ ЗА ПОЛЬСКОЕ НАСЛЕДСТВО» 1733-1735 ГОДОВ
В СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ УЧЕБНИКАХ ПО ИСТОРИИ**

Важной задачей при разработке содержательного компонента школьного и вузовского учебника по истории России является достижение фактологического и оценочного соответствия между этим содержанием и результатами, достигнутыми в современной историографии по освещаемым в учебниках проблемам.

Это касается как внутренней социально-экономической и политической жизни общества, так и внешней политики страны. В истории внешней политики России выделяется XVIII столетие. Это было самое «военное» столетие России по количеству проведённых войн и по количеству лет, проведённых в военных конфликтах. Среди этих войн по определённым причинам выделяется «война за польское наследство» 1733-1735 годов.

«Война за польское наследство» стала первой войной России после окончания петровской эпохи. Эта война также стала первой проверкой эффективности русской армии и флота, реформированных в петровскую эпоху. Однако более важным является вопрос о причинах этой войны и об участии в ней России. В данном вопросе возникают сложности. «Война за польское наследство» занимает своеобразное «маргинальное» положение в учебниках в разделе о внешней политике России по сравнению с другими войнами первой половины XVIII века. В случае с Северной войной и академическая наука, и авторы учебников давно достигли консенсуса, предложив в качестве главной причины участия России необходимость обретения выхода к Балтийскому морю для развития прямых связей с Западной Европой. В войне с Турцией в 1735-1739 годах в правление Анны Иоанновны главной задачей в учебниках называется борьба с Крымским ханством, которое постоянно беспокоило набегами южные окраины России. В русско-шведской войне 1741-1743 годов в правление Елизаветы Петровны Россия не позволила Швеции взять реванш за поражение в Северной войне. Поэтому в учебниках господствует общий момент, что во всех этих войнах Россия отстаивала свои национальные интересы – обрела и защитила выход к морю и защищала на юге свои окраины от разорения крымчаками.

В случае с «войной за польское наследство» проблема защиты Россией своих национальных интересов выглядит намного сложнее, ведь Речь Посполитая в годы накануне войны ничем России не угрожала. В связи с этим обстоятельством данный военный конфликт в современных учебниках репрезентируется неоднозначно. Активизация России связывается со смертью в феврале 1733 году короля Речи Посполитой Августа II и попыткой занять польский престол с помощью Франции со стороны Станислава Лещинского. Против этого выступила Россия. Русская армия отеснила Лещинского в порт-крепость Данциг, разбила там высадившийся французский десант, а потом утвердила на польском престоле кандидата Анны Иоанновны – саксонского курфюрста Августа III. Во многих учебниках даётся лишь такая краткая констатация фактов без объяснения многих вопросов [8, с. 151; 11, с. 176]. Почему Россия выступала против кандидатуры Лещинского? Почему Россия выдвинула на польский престол кандидатуру именно саксонского курфюрста Августа III? В чём же состоял внешнеполитический смысл этой войны для России?

Объяснения же причин этого обстоятельства, которые даются в современных российских учебниках, оставляют много вопросов. Предлагается малообоснованная точка зрения, что утверждение Станислава Лещинского на польском престоле представляло опасность для России, так как повлекло бы за собой усиление Речи Посполитой. Такой подход, например, полностью господствует в учебнике А. Н. Сахарова, который характеризует Станислава Лещинского как «отъявленного неприятеля России», некритично используя при этом его характеристику российским Кабинетом министров: «кроме злых поступков ожидать от него ничего нельзя» [14, с. 719]. При этом единственным аргументом в пользу выше названной причинно-следственной связи выдвигается тот факт, что Станислав Лещинский в годы Северной войны России против Швеции был шведским, а значит антироссийски настроенным, ставленником на польском престоле. Таким образом, в учебниках наблюдается попытка оправдания вмешательства России во внутреннюю ситуацию в Речи Посполитой якобы появившейся для России потенциальной угрозой. Действия России рисуются как вынужденная превентивная ответная реакция на появившуюся в соседней стране угрозу её безопасности. А была ли она в действительности?

Вышеназванная негативная для России репрезентация Станислава Лещинского подразумевает не только наличие у него желания навредить России, но и наличие возможности это сделать, используя ресурсы государства. В действительности, утверждение Станислава Лещинского на польском престоле не могло привести в конкретно-исторических условиях начала первой трети XVIII века к усилению государственности Речи Посполитой. В ходе Северной войны в первой четверти XVIII века её территория подверглась значительному опустошению со стороны враждующих армий России, Швеции и Саксонии. По стране прошли голод и эпидемии. Население страны сократилось на 20 процентов [4, с. 223; 16, с. 251]. Во второй четверти XVIII века Речь Посполитая находилась в состоянии хозяйственного застоя, а государственные финансы страны переживали кризис [4, с. 226]. Усиление польской армии и начало каких-либо враждебных действий против России, даже если бы этого и желал Станислав Лещинский, в данной ситуации было объективно невозможно. В таком случае можно говорить, что российское правительство в лице Анны Иоанновны и членов Кабинета министров переоценивало исходящую от Лещинского опасность, крайне субъективно воспринимая разворачивающиеся события. Однако именно этот субъективизм превращают в объективную реальность ряд авторов современных российских учебников.

Второй линией рассуждений о том, почему Россия выступила против Лещинского, в учебниках выставляется то, что он был креатурой враждебной России Франции. В учебниках подчёркивается активность Франции в деле утверждения Лещинского королём Речи Посполитой. Л. В. Милов, Н. И. Павленко пишут об «обильных подкупах» Францией польской шляхты в пользу Лещинского [6, с. 170; 10, с. 316]. При этом не упоминается тот факт, что Россия также тратила деньги на подкуп польских шляхтичей, и это делалось в условиях финансовой нестабильности в стране. Кроме того, в учебниках остаётся неясной причина враждебности Франции к России. Только Н. И. Павленко пишет: «Франция могла создать послушный себе блок государств вдоль границ России в составе Речи Посполитой, Швеции и Османской империи» [10, с. 316], но для чего это было нужно Франции, и чем Россию не устраивал профранцузский польский король, понять из текста учебника невозможно. На самом деле, действия Франции в 1733 году в Речи Посполитой были направлены не столько против России, как пытаются представить тексты учебников, сколько против Австрии. Конечная цель французских усилий

состояла в том, чтобы изолировать Австрию от военной помощи со стороны России путём запрета прохода русской армии через польскую территорию на помощь австрийцам, что и должен был сделать Лещинский, в то время, когда Франция собиралась начать войну против Австрии в германских землях. Когда у Франции это не получилось, и Россия после вытеснения Лещинского из Речи Посполитой (он бежал в Пруссию) всё же направила через польскую территорию в 1734 году помощь Австрии, французская дипломатия отвернулась от Лещинского [15, с. 61]. При подписании Венского мира с Австрией по его условиям Франция отказалась от признания Лещинского польским королём и вскоре заставила и его самого отречься от престола [16, с. 257].

В учебниках присутствует позиция, что Россия вмешалась в ситуацию в Речи Посполитой только после получения просьбы о таком вмешательстве от самих же поляков. Н. И. Павленко пишет: «Сторонники Августа обратились к России... с “Декларацией благожелательных”, в которой просили защитить “польскую форму” правления от вмешательства Франции» [10, с. 316]. Такая же линия рассуждений присутствует и у Л. В. Милова [6, с. 203]. Таким образом, в учебниках создаётся во многом искусственный контраст между грубым вмешательством Франции во внутреннюю ситуацию в Польше и, якобы, вынужденной помощью со стороны России по просьбе самих поляков. Однако факты противоречат подобному видению ситуации. «Декларация благожелательных» была составлена в сентябре 1733 года. В это время русский корпус под командованием генерала П. П. Ласси уже подходил к предместью Варшавы – Праге [3, с. 83]. Русская армия вошла в пределы Речи Посполитой ещё в апреле этого года, а решение о вводе войск было принято в феврале, и тогда же 28 полков русской армии были подведены к границе Речи Посполитой [1, с. 263]. Правда, следует отметить, что другие авторы учебников всё-таки указывают на «подготовительную» роль России в появлении этой «Декларации», которая была использована для оправдания ввода русских войск «просьбами» самих же поляков [12, с. 78].

Неполной является рисуемая в учебниках картина о мотивах российского руководства сделать ставку на фигуру саксонского курфюрста Фридриха-Августа II, который и был в итоге возведён на польский престол под именем Августа III. Л. В. Милов пишет, что выгода России состояла в том, что Август «обязывался ликвидировать польские претензии на Лифляндию и сохранить “образ правления” Польши... безудержной шляхетской демократии, гарантировавшей положение Польши в качестве слабой державы» [6, с. 202]. Об этом же пишет А. Н. Сахаров [14, с. 719]. Выражение «обязывался сохранить образ правления» подразумевает, что до 1733 года Россия имела определённые гарантии фиксации политического устройства Речи Посполитой в неизменности, которые и подтвердил Август. Однако об этом периоде (с начала XVIII века до 1733 года) русско-польских отношений подавляющее большинство авторов учебников молчат. Такой же нераскрытой является подоплёка «польских претензий на Лифляндию». Единственным автором, который немного приоткрывает «завесу тайны» в этом вопросе, является И. В. Курукин. В своём учебнике он пишет, что ещё «Пётр I добился легального права вмешиваться во внутренние дела» [5, с. 214] Польши. Фактически Россия установила протекторат над Речью Посполитой и не желала его утрачивать в случае смены в ней правителя. Это признаётся в современной российской историографии: «Война за польское наследство была вызвана намерением России сохранить свой контроль» [9, с. 167] над Речью Посполитой.

А. Н. Сахаров добавил важный пункт в обязательства Августа перед Россией, о котором не упоминают другие авторы – «не менять форму правления в Курляндии» [14, с. 719]. Однако раскрывать его подоплёку автор не стал, и для студентов ситуация остаётся неясной. А между тем именно курляндский вопрос считается в современной российской и польской историографии «войны за польское наследство» одним из важнейших. Курляндское герцогство считалось де-юре вассально зависимым от Речи Посполитой со времени её образования в XVI веке. Пётр I в годы Северной войны после смерти курляндского герцога в 1711 году запретил местному дворянству под угрозой использования русской армии избирать нового герцога (хотя соответствующая кандидатура в наличии была) и оставил правительницей в герцогстве свою племянницу Анну Иоанновну. Фактически Курляндское герцогство перешло в сферу влияния России. В 1726 году курляндским герцогом пытался стать Александр Меншиков. Это раздражало польскую знать. В 1730 году на сейме в Гродно польская шляхта, воспользовавшись политическим кризисом в России (смертью Петра II и «затейкой верховников»), проголосовала за полное присоединение Курляндии к своей территории, однако фактически в ней ничего не поменялось [2, с. 135-137].

Когда Анна Иоанновна пришла к власти в России, то курляндским герцогом захотел стать её фаворит Эрнст Иоганн Бирон. В 1733 году, воспользовавшись смертью польского короля, Россия утвердила Бирона на престоле герцогства, а Август III с этим молчаливо согласился. Получилось, что представитель высшей бюрократии Российской империи стал де-юре правителем Курляндского герцогства, тогда как до начала «войны за польское наследство» это герцогство не имело правителя. Фактически Россия ещё больше усилила своё политическое влияние в Курляндском герцогстве, используя внутривнутриполитический кризис в Польше в 1733 году [7, с. 88-135; 16, с. 256].

Об этом «курляндском аспекте» «войны за польское наследство» не упомянуто ни в одном российском учебнике по истории. Их авторы либо ничего не знают о нем, либо знают, но стараются не показывать захватнических стремлений России. Хотя обладание Курляндским герцогством вполне соответствовало национально-государственным интересам России в Прибалтийском регионе. Территория Курляндии вплотную с юга примыкала к Риге – крупному российскому порту. Сама Курляндия имела два порта – Либаву и Виндаву, через которые шёл экспорт российских товаров в Европу [15, с. 25]. Российская сторона была прямо заинтересована в политической стабильности в Курляндии, чего Речь Посполитая, охваченная соперничеством магнатско-шляхетских группировок, обеспечить не могла. Поэтому петербургский двор перестал колебаться в отношении Курляндии и в 1733 году фактически закрепил её за собой [13, с. 372].

Таким образом, репрезентация в современных российских учебниках «войны за польское наследство» в значительной степени не соответствует представлениям о ней в российской и зарубежной историографии и требует существенной корректировки с учётом этих представлений.

Список литературы

1. **Анисимов Е. В.** Анна Иоанновна. М.: Молодая гвардия, 2002. 362 с.
2. **Анисимов Е. В.** Куда ж нам плыть? Россия после Петра Великого. М.: АСТ; Астрель, 2010. 604 с.
3. **История внешней политики России. XVIII век.** М.: Международные отношения, 1998. 304 с.
4. **История южных и западных славян. Средние века и Новое время:** в 2-х т. М.: Изд-во МГУ, 2001. Т. 1. 688 с.
5. **Курукин И. В.** История России. XVIII век. М.: Дрофа, 2010. 254 с.
6. **Милов Л. В.** История России XVIII-XIX веков. М.: Эксмо, 2008. 784 с.
7. **Нелипович С. Г.** Союз двуглавых орлов: русско-австрийский военный альянс второй четверти XVIII века. М.: Квадрига, 2010. 408 с.
8. **Орлов А. С., Георгиев В. А., Георгиева Н. Г., Сивохина Т. А.** История России. М.: Проспект, 2015. 528 с.
9. **От царства к империи. Россия в системах международных отношений. Вторая половина XVI – начало XX века.** М. – СПб.: Институт российской истории РАН; Центр гуманитарных инициатив, 2015. 440 с.
10. **Павленко Н. И.** История России с древнейших времён до 1861 года. М.: Высшая школа, 2003. 560 с.
11. **Павленко Н. И., Андреев И. Л., Ляшенко Л. М.** История России с древнейших времён до конца XIX века. М.: Дрофа, 2008. 335 с.
12. **Павленко Н. И., Ляшенко Л. М., Твардовская В. А.** История России. XVIII-XIX века. М.: Дрофа, 2001. 384 с.
13. **Российское государство от истоков до XIX века: территория и власть.** М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. 462 с.
14. **Сахаров А. Н.** История России. С древнейших времён до конца XVIII века: в 2-х т. М.: АСТ; Астрель, 2007. Т. 1. 960 с.
15. **Столяров А. М.** История внешней политики России в XVIII веке. Казань: ЦИАИ, 2014. 156 с.
16. **Тымовский М., Кеневич Я., Хольцер Е.** История Польши. М.: Весь мир, 2004. 544 с.

**REPRESENTATION OF “THE WAR OF THE POLISH SUCCESSION”
OF 1733-1735 IN MODERN RUSSIAN HISTORY TEXTBOOKS**

Stolyarov Aleksei Mikhailovich, Ph. D. in History
Kazan (Volga Region) Federal University
Yagello1386@mail.ru

The article analyzes the image of “The War of the Polish Succession” of 1733-1735 presented in the texts of modern Russian history textbooks. Special attention is paid to the characterization of the reasons for Russia’s participation in the war and the intentions of the Russian leadership put forward by the authors of the textbooks. The comparative analysis of the representations of “The War of the Polish Succession” in the textbooks and the assessments of this conflict existing in the modern Russian academic science is conducted. The conclusion is made about the lack of correspondence between the presentation of “The War of the Polish Succession” in the textbooks and the achievements of the Russian historiography as well as about the need of their concordance.

Key words and phrases: “The War of the Polish Succession”; textbooks on the Russian history; Anna Ioannovna; Stanislaw Leszczynski; Ernst Biron; Duchy of Courland; France.

УДК 9.93.93/94

Исторические науки и археология

В статье обращено внимание на двойственный характер переселенческой политики правительства: оно было заинтересовано в создании социальной опоры в лице русского населения края, но опасалось оттока крестьянства из внутренних губерний России. В условиях ведения Кавказской войны и отсутствия гарантий безопасности для гражданского населения правительство склонилось в сторону увеличения численности военно-казачьего сословия, которое пополнялось различными путями.

Ключевые слова и фразы: Россия; политика; переселения; льготы; казаки; государственные крестьяне; русские; армяне; грузины; Кавказская военная линия; военные слободы.

Суздальцева Ирина Анатольевна, к.и.н., доцент
Дагестанский государственный педагогический университет
s.iren.a2010@mail.ru

**ВОЕННО-КАЗАЧЬЯ КОЛОНИЗАЦИЯ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО КАВКАЗА
В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА: ЗАДАЧИ И ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ**

Российская политика на Северо-Восточном Кавказе исторически отличалась многообразием: дипломатические методы привлечения на свою сторону горской знати и уничтожение непокорных аулов, вовлечение